

Т.М. Рогожникова

Уфимский государственный авиационный технический университет

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ЕЕ АССОЦИАТИВНАЯ ЦВЕТНОСТЬ

Тонкий и глубокий исследователь Альбина Дмитриевна Травкина много внимания уделяла теории звуковых изменений и неразрывно с ней связанной проблеме сосуществования «неразлучной пары», которая номинируется как *форма и содержание*.

В своих ранних работах А.Д. Травкина основной акцент делала на «внешней форме», изучая уровни анализа фоновариантов, просодико-смысловое варьирование предложения [Травкина 1983, 1987, 1989], прилагая усилия к дифференцированию стандартных нейтральных произносительных форм и нестандартных форм, в результате чего появилось учебное пособие по коррективной фонетике [Травкина 1984]. Но уже в своей докторской диссертации автор ставит своей целью определить природу и свойства конкурирующих фонем и выявить типологически релевантную вариативность стандартной произносительной формы английского языка [Травкина 2001]. Моделируя изменения в фоноформе языка, А.Д. Травкина устанавливает две основных модели движения: модель динамического равновесия (сбалансированное движение) и модель тенденции (направленное движение). Первая модель, на наш взгляд, характеризует «качество» движения из-за лежащего в ее основе принципа дополненности при сильной степени свободы движения, приводящей к асимметричным процессам, нарушению единообразия преобразований. Вторая – «количество» движения, кодирующего артикуляторно-перцептивную близость фонем и эксплицирующего слабую степень свободы движения [Там же].

Докторская диссертация А.Д. Травкиной, как нам представляется, завершает этап изучения автором «внешней формы». И те новые «последдокторские» работы, которые нам довелось читать, свидетельствуют о масштабных размышлениях автора о «внутренней форме».

Анализируя идеи В. Гумбольдта и А.А. Потебни, А.Д. Травкина пишет о том, что канонический статус пары «форма и содержание» кардинально изменился, их союз «дал трещину» из-за обнаруживаемых противоречий и конфликтов. Этот разлом пошел по линиям противоборства *объективного - субъективного, социального - индивидуального, идеального - материального, внешнего - внутреннего, интеллектуального - чувственного, прагматического – поэтического*. По отношению к слову актуальной стала оппозиция *живое слово – слово лексикографическое*. Сама парадигма, как отмечает автор, приняла иной вид: «на смену соотношению «форма - содержание» пришла формула «внешняя форма – внутренняя форма». При этом «форма» в первой паре фактически приравнена к «внешней форме», то время как между «содержанием» и «внутренней формой» нет прямой соотнесенности» [Травкина 2007: 95-96].

Интерпретируя идеи В.Гумбольдта и обнаруживая в них отклик на собственные исследовательские предпочтения, А.Д. Травкина понимает логику В. Гумбольдта относительно внутренней формы следующим образом: внутренняя форма выступает как особый для данного языка способ объединения звукового материала и психического содержания, т.е. «духа народа». Внутренняя форма как формальная организация психической субстанции в таком контексте может трактоваться как идеальный аспект, а внешняя звуковая форма представляет собой внешний или материальный аспект. Следуя данной логике и рассматривая звуки как явление «телесное и чувственное», а «внутреннюю форму» - как интеллектуальную, духовную сторону языка, «В. Гумбольдт полагает, что в звуках заложены способы выражения внутренних отношений, так что различия в звуковом строе разных языков отражаются в отличии их «внутренних форм» [Там же: 98].

Интерес исследователей к внутренней форме не снял неопределенности в трактовке самого этого понятия. И хотя В. Гумбольдт не дал понятию четкого определения, он, по мнению некоторых исследователей, очертил ряд *требований* к внутренней форме.

Изучая суггестивный потенциал вербальных моделей, мы оказались инспирированными этим таинственным концептом «внутренняя форма», требования к которой, по нашему мнению, полностью соответствуют тому, что понимается нами под «суггестивной силой» слова или текста.

Во-первых, анализируя принципы исследования внутренней формы, В.П. Зинченко отмечает, что эти принципы должны отличаться от тех, что используются при работе с внешней формой [Зинченко 2000: 46]. Анализировать «силу вербальной модели» с помощью традиционного лингвистического инструментария нельзя. Необходим не просто иной арсенал методов, но и иные единицы анализа.

Во-вторых, суггестивный потенциал или «сила» вербальной модели не лишена формы субстанции. Более того, она не просто организует субстанцию, от нее зависит организация внешней формы.

В-третьих, эта «сила» является внутренней формой языка, *она увязана с законами действия слова.*

Эти рассуждения, навеянные работами А.Д. Травкиной и ее идеями по комбинаторным звуковым изменениям, трансформационным техникам и поэзису слова [Травкина 2006 а, 2006 б, 2007], позволяют нам соотнести суггестивную силу вербальной модели с ее внутренней формой. Именно «суггестивный лик» вербальной модели, на наш взгляд, отвечает всем тем требованиям, которые на сегодняшний день предъявлены к понятию «внутренняя форма», и которые до сих пор не прописаны полностью.

Признание слова универсальным специфическим условным раздражителем, вызывающим самые разнообразные реакции и опирающимся на эксплицированные условно-рефлекторные связи слова со всеми системами и внутренними органами человека, явилось прорывом в осознании воздействующего потенциала слова. Но на пути от пункта осознания свойств суггестивности вербальной модели до пункта создания

инструментов, ведущих к пониманию законов действия слова, имеется множество трудностей и препятствий. Результаты изучения суггестии в медицинских и психологических аспектах позволили признать слово сигналом сигналов, способным заменять воздействие любых физических стимулов. Остается только сожалеть, что лингвистические достижения в исследовании *латентных вербальных механизмов* до сих пор не так велики.

Б.Ф. Поршнев отмечает, что о внушении написано много исследований, но, к сожалению, в подавляющем большинстве медицинских, что крайне сужает угол зрения. Общая теория речи, психолингвистика, психология физиология речи не уделяют суггестии сколько-нибудь существенного внимания, хотя, можно полагать, это как раз и есть центральная тема всей науки о речи, речевой деятельности, языке [Поршнев 1974]. Б.Ф. Поршнев первым указал на то, что внушение становится основой межличностного группового общения. По его мнению, всякая речь, обращенная к другому или другим, есть внушение [Поршнев 1979: 156].

Безусловно, ситуация в последние годы значительно изменилась в лучшую сторону. Появились фундаментальные работы, в которых латентные вербальные механизмы оказываются в фокусе исследовательского внимания. Активно разрабатываются вопросы теории речевого воздействия в коммуникативно-прагматическом аспекте, психологические и лингвистические основы манипулирования. Изучаются психологические особенности человека, лежащие в основе суггестии: мотив (в рамках теории когнитивного диссонанса), установка и убеждение (когнитивный консерватизм), апперцепция, заражение. Анализируются стратегии и тактики суггестивного речевого общения. В рамках теории речевой деятельности изучаются стратегии речевого поведения, речевые стратегии и тактики, принципы их лингвистического анализа. Исследуются приемы речевого воздействия на различных уровнях языковой системы: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические средства суггестии. Часть внимания исследователей уходит на изучение паралингвистических суггестивных средств (сила голоса, темп, тембр голоса, жесты, позы, графические приемы).

Но до сих пор все еще открытыми остаются вопросы о том, как *измерить* силу воздействия и как установить его качество? С помощью каких единиц мы можем подойти к решению этих вопросов? Допустим, мы анализируем синтаксические приемы суггестии. Мы можем посчитать пресуппозиции, эвфемизмы, речевые импликатуры, подумать над причинами суггестивной силы имплицитной информации. Но как измерить эту суггестивную силу? Если мы используем определенное количество эвфемизмов, то что мы можем сказать о результатах воздействия? Сколько эвфемизмов нужно использовать в дискурсе, чтобы, например, оказать определенное положительное воздействие? При этом мы помним, что эвфемизмы как единицы языка и речи выделяются как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса. Мы знаем слова-эвфемизмы, словосочетания и предложения. Более того, можно говорить и об эвфемистических текстах.

Моделирование словесного камуфляжа как результат различных классификаций дипломатических «недоговоренностей» по самым разнообразным основаниям для группировок предполагает учет всех речевых ситуаций, нуждающихся в эвфемизации: от физиологических процессов, отношений между людьми до межнациональных отношений. Эвфемизация как языковое/речевое явление должно изучаться не только на поверхностном уровне, который предполагает узнавание единицы, включение ее в классификационную схему понятий, нуждающихся в вуалировании, моделирование эвфемистической системы, но и на латентном уровне, который должен ответить на вопросы о том, какое воздействие оказывается на человека? Какова сила этого воздействия? И какова эвфемистическая дозировка для достижения наиболее благоприятного результата?

Этих кратких рассуждений совершенно достаточно для того, чтобы осознать необходимость и совершенную обязательность (без этого просто невозможны никакие математические расчеты и компьютерное моделирование) установления точного и конечного количества единиц анализа. Следует отметить, что это условие распространяется абсолютно на все языковые явления, и выбор того или иного языкового материала большого значения не имеет. Проблема заключается в том, что не во всех уровнях языковой системы можно выделить конечное (и не слишком большое) количество единиц для анализа. Возможно, еще не пришло время для того, чтобы эти единицы могли быть выделены, поскольку изучение глубинных латентных вербальных механизмов требует не только дополнительных усилий, осмысления, но и новых, порой совершенно неожиданных инструментов. Выстраивая иерархию уровней суггестивной лингвистики, И.Ю.Черепанова отмечает, что латентное вербальное воздействие опирается на одни базовые уровни языка (например, фонологический), а «с позиций открытой (прямой) суггестии, подтвержденной особой социально-психологической ролью суггестора, изначально следует признать другие уровни (например, становится значимым повелительное наклонение глагола)» [Черепанова 1996: 51]. Поскольку анализ и синтез, как далее продолжает автор, происходят в суггестивной текстовой продукции одновременно, то есть смысл не противопоставлять план выражения и план содержания, а делать заключения о формосодержании – содержательной форме и формальном содержании – в их единстве. И одним из главных вопросов, которым озабочен исследователь, остается вопрос о том, какими реальными методами и средствами анализа параметров суггестивных текстов располагает сегодня современное языковедение [Там же].

Попытки И.Ю.Черепановой ответить на этот вопрос привели ее к необходимости структурировать языковые уровни с точки зрения воздействующего потенциала. И высшим с точки зрения латентного воздействия назван *фонологический* уровень, считающийся нижним в

традиционной уровневой иерархии. Далее идут *просодический, лексико-стилистический, лексико-грамматический, морфо-синтаксический* уровни. Автор очертила круг необходимых для измерения параметров, которые, по ее мнению, помогут работать с количественными и качественными показателями суггестивности и говорить о вербальной модели не с позиций лингвистического чутья и авторской интуиции, а с научных позиций, предполагающих количественный анализ, статистические данные, математические модели. Среди параметров для измерения выделены: отклонение частотности употребления отдельных звуков от нормальной частотности; фонетическое значение текстов; звуко-цветовые соответствия; звуковые повторы, превышающие нормальную частотность; соотношение количества высоких и низких взвуков (в%); длина слова в слогах; соответствие «золотого сечения» кульминации текста; лексико-стилистические показатели; грамматический состав текстов. Различные группы текстов допускают варьирование количества рассматриваемых параметров.

Для того, чтобы номинировать *фонологический уровень* на статус высшего уровня в суггестивной иерархии, необходимо привести веские доказательства, свидетельствующие в пользу этого. Имеющиеся в нашем распоряжении данные пока не позволяют нам с полной уверенностью говорить о безусловном лидерстве данного уровня. Более того, на наш взгляд, правильнее говорить не о фонологическом и не о фонетическом уровнях, а об их единстве в рамках фоносемантики - науки, исследующей «связь между звуком и значением в слове» [Воронин 1982: 22]. Фоносемантика трактует значение звука, опираясь, с одной стороны, на его акустико-артикуляционные характеристики, с другой стороны, на специфику его восприятия носителем конкретного языка. Фонетический аспект учитывается как возможности звуков быть произносимыми и услышанными. В качестве фонологического основания используются способности человека к дифференциации значения. В данном случае в контексте фоносемантики мы имеем дело со сложным единством фонологической и фонетической реальностей, уходящих в психику и психофизиологию говорящего и слышащего человека. В этом смысле ряд ученых (И.Н. Горелов, Л.П. Прокофьева) рассматривают фоносемантику в составе психолингвистики.

В своих исследованиях мы опираемся на фоносемантику, поскольку именно фонетический уровень позволяет выделить определенное количество конкретных единиц, число которых позволяет «не утонуть» в бесконечном разнообразии вариантов. Материальные элементы звукоизобразительной системы конкретного языка, содержащие в себе семантический и формальный аспекты, предлагают одновременно различные единицы. Мы остановились на звукобуквах как единицах звукоизобразительной системы прежде всего из-за определенности их количества, т.е. конечное (и не слишком большое) число звукобукв позволяет просчитать все возможные комбинации и затем моделировать и программировать полученные материалы, создавать автоматизированные информационные системы для

дальнейших исследований. К положительным моментам мы относим и возможность работать практически на любом языке. Имеется еще одно размышление, свидетельствующее в пользу данной единицы. Для человека говорящего звук становится осознаваемой реальностью только после соотнесения его с буквой. Именно поэтому неизвестный набор звуков, воспринимаемый аудиально и не подкрепляемый визуальным образом буквы, не даст нам полноты картины из-за минимальных различий в признаковых оболочках.

Анализируя ассоциативную (психологическую) цветность звука, мы опираемся на звукобукву, имея в виду полимодальную сущность, воспринимаемую посредством нескольких сенсорных каналов (по крайней мере - аудиального и визуального). Наше восприятие полимодально. Интермодальные взаимодействия вытекают из единства окружающего мира, которое и лежит в основе глубинных связей, имеющих между разными перцептивными системами. Слуховое представление может вызвать непровольное появление зрительных образов или словесных ассоциаций, поскольку в нем уже присутствует обобщение или обобщенный образ как результат функционирования когнитивного механизма эмоционально-оценочной генерализации и дифференциации. Безусловно и то, что мы имеем дело в том числе и с ассоциативной, метафорической параллелью между звуком и смыслом, в основе которой лежит эмоционально-смысловая оценка звука, позволяющая нам осуществить интермодальный траверс: звук-эмоция-признак. Когда мы пользуемся одной из любимых современной психолингвистикой метафор «живое знание», мы рассматриваем ассоциации как продукт функционирования активированных систем индивида, которые представляют собой своеобразную характеристику человека как живой системы, определяющую количество и качество его взаимодействия с другими системами. Движение ассоциаций не прекращается никогда, ни на одно мгновение. Это движение продолжается, по мнению П.Д. Успенского, даже во время глубочайшего сна. Время пропорционально потоку ассоциаций; оно относительно, субъективно и измеряется ассоциациями [Успенский 1996: 459].

Звуковая сторона речи, звуковые изменения не располагаются в «светлом пучке сознания» носителя языка. Для их понимания и для сопоставительных исследований на разных языках необходимо каким-то образом вывести их на осознаваемый уровень. Мы попытались материализовать и представить в виде цветных матриц одну из составляющих суггестивного лика звукобукв – их ассоциативную цветность. Для реализации этих целей были проведены психолингвистические эксперименты на разных языках. В работах Н.В. Ефименко анализируется психологическая структура цветового значения звукобукв русского языка, исследуется взаимосвязь звука и его ассоциативного цветового окружения, а также проводится сопоставительный анализ цветового наполнения текстов образовательного характера на русском и английском языках [Ефименко 2011]. Автор установила динамическую

природу ассоциативного «наполнения» ряда звукобукв русского языка при проведении диахронического анализа и зарегистрировала статичность этих связей в синхроническом срезе. Н.В.Ефименко провела сопоставительный анализ экспериментальных результатов, полученных разными авторами за период с 1966 по 2005 год, с материалами собственных экспериментов, проведенных с ноября 2010 по май 2011 года, что позволило ей выделить 7 единиц, которые имеют частичные или полные несовпадения в цветовом значении. Далее автор провела серию экспериментов по уточнению цветности выделенных звукобукв. Расчет процента повторных совпадений цветовой окраски выделенных звукобукв показал валидность результатов. Коэффициент надежности результатов вычислялся по формуле, предложенной А.П. Журавлевым [Журавлев 1974: 40]: $R_{tt} = \frac{2r}{1+r}$, где r – коэффициент корреляции (по К. Пирсону) между рядами средних оценок звуков. В нашем случае показатель коэффициента корреляции (R_{tt}) оказался равным 0,87. В подобных измерениях считается достаточным $R_{tt} \geq 0,85$.

Общее количество проанализированных Н.В. Ефименко ответов респондентов составило 10400 ассоциативных реакций. В результате проведенного анализа автор пришла к выводу, что 7 звукобукв *изменили* свой цветовой образ В' (вь) – синий → голубой; Л' (ль) – синий → голубой; П – черный → серый (антрацит); Т – черный → болотно-коричневый (кора старого дерева); Т' (ть) – сине-белый → серо-коричневый (кора молодого дерева); Х – черный → серый (цвет мокрого асфальта); Х' (хь) – черный → серо-зеленый (хаки) [Ефименко 2011]. Все остальные исходные единицы подтвердили свое ассоциативное цветовое наполнение, которое было выявлено в ходе экспериментов, проведенных другими исследователями. Таким образом, для 7 звукобукв была выявлена тенденция «ассоциативного осветления». Данные количественного анализа и качественной интерпретации стимульного ряда легли в основу уточненной матрицы русского языка. При составлении цветовой матрицы английского языка использовались результаты исследований звуко-цветовой ассоциативности зарубежных авторов (R. Cytowic, S.Day, E.M.Hubbard, V.S. Ramachandran), а также материалы эксперимента с носителями английского языка, проведенного Л.П. Прокофьевой. Л.П. Прокофьева высказывает предположение о том, что «звуко-цветовая ассоциативность, присутствуя в сознании каждого носителя национального языка, при нормальных частотностях в речи существует в латентном состоянии, тогда как в случае намеренного (или ненамеренного) изменения частотности может активизироваться и переходить с уровня бессознательного на подсознательный, образуя своеобразный эмоциональный «шлейф», связанный в том числе и с неосознаваемыми ассоциациями цвета речи» [Прокофьева 2007: 163]. Автор полагает, что усиление воздействия звуков проходит как в рамках одного речевого высказывания (кульминационные моменты авторского сознательного или

подсознательного использования возможностей фонетики), так и в речевых произведениях разного типа.

Проведенный анализ экспериментальных данных, собранных по результатам собственных экспериментов, а также исследований других авторов, позволил в 2011 году коллективу авторов под руководством Т.М. Рогожниковой (руководитель проекта Т.М. Рогожников, программист С.А. Воронков, аспиранты Н.В. Ефименко, Р.В. Яковлева) разработать программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте (Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ №2011618299 «БАРИН» (Автоматизированный анализ слова и текста). Основным компонентом программы стали цветовые матрицы звукобукв русского и английского языков.

Программа «БАРИН» написана на языке C# в интегрированной среде обработки Microsoft Visual Studio 2008. Код программы разбит на несколько модулей: модуль интерфейса, общий модуль для анализа текста, предполагающий работу с любым письменным текстом на русском или английском языках; модуль определения динамики цветового наполнения текста; модуль построения спиралевидной модели цветового образа текста; модуль художественно-компьютерной интерпретации (художественный образ) звуко-цветовых соответствий в тексте; модуль статистики.

С помощью данного программного продукта можно рассчитывать частотность звукобукв русского и английского текстов; выводить результаты в таблицу; определять цветовое наполнение текста на основании рассчитанной частотности звукобукв; представлять результаты в виде графиков и диаграмм; сохранять в файл; выполнять художественную интерпретацию звуко-цветовых соответствий в тексте с сохранением в файл.

Программа реализует следующие функции:

- 1) загрузка текста из файлов типа *.rtf или *.txt;
- 2) автоматический расчет количества звукобукв в слове и тексте;
- 3) автоматический расчет частотности звукобукв в слове и тексте;
- 4) вывод результатов в таблицу (статистика);
- 5) определение цветности слова и текста;
- 6) вывод результатов в виде графиков и диаграмм;
- 7) построение спиралевидной модели цветового образа слова и текста;
- 8) художественно-компьютерная интерпретация (картинка, рисунок) звукоцветовых соответствий в слове и тексте;
- 9) сохранение текстов, таблиц, графиков, диаграмм, рисунков в файл.

Программа предназначена для универсального использования. Автоматизированный анализ звуко-цветовой составляющей возможен как на уровне слова, так и на уровне текста любого типа (русский и английский языки).

Работа в этом направлении активно продолжается. Изучением природы психологической структуры цветового значения на материале татарского и башкирского языков занимаются Т.М. Рогожников,

Г.Р.Кочетова. В ходе экспериментальных исследований [Рогожникова 2011; Рогожникова, Кочетова 2011; Рогожникова, Кочетова 2012] было установлено, что анализ звуко-цветовых соответствий позволяет эксплицировать латентную информативность и экспрессивность вербальной модели. Среди вопросов, на которые ищутся ответы, особо следует выделить проблему поиска универсальных семантических закономерностей индивидуального шкалирования цветов и установления инструмента измерения фонетической значимости звуков и их колористического наполнения.

Г.Р. Кочетова, проведя ассоциативные эксперименты с носителями татарского и башкирского языков, создала цветовые матрицы названных языков. В 2013 году коллективом авторов (руководитель проекта Т.М. Рогожникова, программист Д.Д. Кудашов, Г.Р. Кочетова, Н.В. Ефименко) завершена разработка компьютерной программы «БАТЫР», которая сейчас проходит этап подготовки к государственной регистрации. Программа «БАТЫР» в настоящее время апробируется, с ее помощью анализируется ассоциативная цветность текстов разных речевых жанров. Анализу подвергнуты сказки, стихи, частушки, молитвы, речи политиков, отрывки прозаических художественных произведений.

Одним из важных результатов проделанной работы являются модели, представленные в виде *картин ассоциативной цветности*, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского и башкирского языков (см. цветные рисунки). Идею создания подобных моделей предложила Т.М. Рогожникова, технически ее выполнил Д.Д. Кудашов. Показанные на рисунках «цветочные поля» впитали в себя всю палитру ассоциативных цветов, существующих как «живое знание» в голове носителя языка, в его ментальном лексиконе, и характеризующихся национально-культурной спецификой. Мы можем увидеть ту виртуальную внутреннюю форму, для которой была найдена внешняя форма материального представления.

Ассоциативная цветность звукобукв русского языка богата синим цветом и его оттенками. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевым, желтым вкраплениями, создавая яркий солнечный фон. Психологическая цветность звукобукв башкирского языка сравнима с фисташковым цветом, а цветность звуков татарского языка – с изумрудным. Эти картины - наглядное пособие для пояснения понятия эмерджентности, являющейся одной из форм проявления принципа трансформации количественных изменений в качественные. Каждая звукобуква, психологически определенным образом окрашенная, присутствуя на полотне рядом с другими, помогает создать общий цветовой фон языка. И этот общий фон не может быть объяснен через цветность отдельных звукобукв, поскольку в каждом языке есть полный ассоциативный набор «основных цветов». Более того, психолингвистический подход к анализу цветности не допускает

использование приема механического перемешивания цветов, который любят художники, не предполагает физику цвета (анализ цветового спектра в физике). Эта некая неосознаваемая внутренняя форма существования конкретного языка в цвете, которая, тем не менее, может быть представлена в виде осознаваемой экспериментально полученной внешней формы.

Гипотеза о существовании синестетически обусловленной звуко-цветовой картины мира, которая организуется с учетом универсальной (бессознательной) способности человека ассоциировать звуки и цвета, национального (подсознательного) свойства отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии и индивидуальной (сознательно-подсознательной) переработки поступающей информации в конкретном акте речи, творчества наиболее полно была сформулирована Л.П.Прокофьевой [Прокофьева 2007] и далее подтверждена в исследованиях других исследователей, занимающихся вопросами цветовой семантики [Рогожникова 2009; 2011; Ефименко 2011; Рогожникова, Кочетова 2011; Рогожникова, Кочетова 2012].

Мы полагаем, что звуки с одинаковой психологической цветностью, возможно, имеют сходную физическую структуру. Нами был проведен анализ частотных характеристик звуков, на основе которого получены усредненные частотные характеристики звука (совокупный или средний звук), который ассоциативно связан с соответствующим цветом. Алгоритм частотного анализа звука включал в себя Фурье-анализ звукового спектра с разделением отдельных звуковых обертонов.

Если наши предположения верны, а дальнейшие исследования позволят синтезировать другие совокупные звуки, то появится возможность определять цветность звука с опорой на его физическую структуру. В этом случае мы сможем говорить о материальных свидетельствах взаимосвязи психологической и физической составляющих звука. Внутренняя и внешняя формы не будут больше стоять у «разбитого камня словесности» [Белый 2006: 389], но пересекутся в ином измерении...

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Жезл Аарона (о слове в поэзии) // Семиотика и Авангард: Антология / Под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический проект; Культура, 2006. – С. 199-211.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. - 244 с.

Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: Дис. ... канд. филол. наук. - Уфа, 2011. – 208 с.

Зинченко В.П. мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. - М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.

Рогожникова Т.М. Потенциал звукоцвета и звуко-цветовая организация текста // Языковое бытие человека и этноса : когнитивный и психолингвистический аспекты / Материалы международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. - М. : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. - С.214-224.

Рогожникова Т.М. Этнокультурная специфика цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Межд. науч.-метод. конф. - Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2011. С.51-55.

Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Исследование цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып.17. - М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. - С.241-246.

Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. - Уфа: Изд-во БашГУ, 2012, Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение. - С.1313 - 1320.

Травкина А.Д. Просодико-смысловое варьирование предложения. Уч. пособие. – Калинин: КГУ, 1983. – 70 с.

Травкина А.Д. Коррективная фонетика. Уч. пособие. - Калинин: КГУ, 1984. – 72 с.

Травкина А.Д. Три уровня анализа фоновариантов английских слов // Перевод и автоматическая обработка текста. Сб. науч. тр. – М.: ИЯ РАН, 1987. - С. 166-171.

Травкина А.Д. Фоновариантная деривация слова в тексте // Текст: структура и анализ. Сб. науч. тр. – М.: ИЯ РАН, 1989. - С. 169-173.

Травкина А.Д. Типологически релевантная вариативность стандартной произносительной формы английского слова: Дис. ... д-ра филол. наук. - Тверь, 2001. – 325 с.

Травкина А.Д. Комбинаторные звуковые изменения в контексте соотношения целого и частей // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология (Лингвистика и межкультурная коммуникация). Вып. 5, №2(19), 2006 а. – С.105-118.

Травкина А.Д. Трансформационные техники и поэзис слова // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология (Лингвистика и межкультурная коммуникация). Вып. 6, № 3(20), 2006 б. – С.89-100.

Травкина А.Д. Третий элемент, или «цемент для соединения двух половинок разбитого камня слова» // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия

Филология (Лингвистика и межкультурная коммуникация). Вып. 7, №12(40), 2007. – С.95-104.

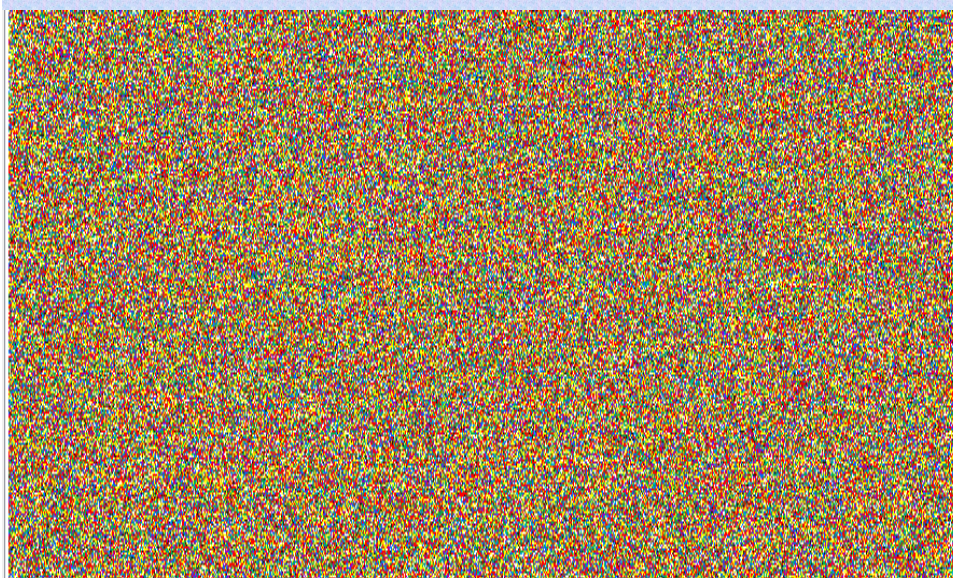
Успенский П.Д. В поисках чудесного / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1996. – 528 с.

Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: Дис. ...д-ра филол. наук. – Пермь, 1996. – 426с.

Русский язык

Английский язык

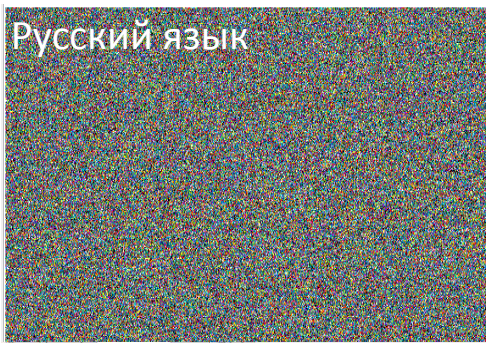
Башкирский язык

Татарский язык

Русский язык

Английский язык

Башкирский язык

Татарский язык

